

DOI: 10.15643/libartrus-2020.6.1

Идейная детерминация политико-правовых преобразований в странах Нового Света XIX в.

© Н. Н. Равочкин

*Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева
Россия, 650000 г. Кемерово, улица Весенняя, 28.*

*Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия
Россия, 650056 г. Кемерово, улица Марковцева, 5.*

Email: nickravochkin@mail.ru

В современном мире эволюционный вариант общественного развития и его отдельных сфер неразрывно связан с прагматикой функционирования политико-правовых институтов, во многом определяющих специфику принятых в конкретном государстве «правил игры». Настоящая статья посвящена аналитике идейной детерминации политико-правового развития государств Нового Света, которые, в определенном смысле, относительно недавно обрели независимость, став самостоятельными участниками общественных отношений. Однако, несмотря на некоторую общность условий, реализация передовых социальных идей в рассматриваемых институтах привела к определенным контрастам, касающихся, прежде всего, их актуального развития. В настоящей статье автор не только рассматривает политико-правовые институты как формы идеального воплощения интеллектуальных конструктов, но и проводит параллели с актуальной для российского государства проблемы – вскрытия причин стагнации страны.

Ключевые слова: *политико-правовые институты, идея, интеллектуалы, идейная детерминация институциональных преобразований, трансформация.*

Политико-правовое строительство невозможно без выработки и реализации действенных механизмов администрирования, последующие преобразования данных структур требуют систематических усилий и издержек в течение весьма продолжительных периодов и создания гибких программ для осуществления необходимых корректировок. К примеру, в случае с Францией XIX столетия в достаточно продолжительный, более чем полувековой, период можно увидеть высокие издержки и ощутимые ресурсные потери и, как следствие, извращенное воплощение передовых идей, которое привело к посредственным результатам от политико-правовых институциональных трансформаций, проводимых в весьма сжатые сроки. При этом стабильное состояние общества ни в коем случае не подразумевает его статичный характер [3]. Социальная система может и должна эволюционировать, для чего ей необходимо сохранить свои сущностные характеристики и реализовывать институциональные преобразования по «инженерному» пути, что в абсолютном большинстве случаев помогает обществу сохранять свою целостность.

Закономерен вопрос, касающийся понимания политико-правового развития Нового Света в тот же период – XIX в., во многом прорисовавший контуры современной миросистемы. Целеобразно рассмотреть опыт США, где идеи воплотились в совершенно новые демократические институты, да к тому же без значительного влияния предрассудков реализовавших их акторов, сильного воздействия традиций и промежуточных итогов прошлых эпох. Интерес

для анализа представляет Латинская Америка, которая только-только начинает свое обособление в качестве социосферы, вследствие чего данный регион часто оказывается вне исследовательского взгляда.

Актуальность и злободневность проведения кросс-темпоральных институциональных и идейно-ориентированных исследований обусловлена, прежде всего, инструментальной значимостью, как идей, так и институтов, а учитывая преемственность в их развитии, анализ богатого эмпирического материала конкретных воплощений этих социальных структур позволяет понять логику процессов, происходящих сегодня в той или иной стране. Значимость настоящей статьи связана с потребностями современной России, не имеющей позитивного опыта институционального строительства, в эволюционном развитии, которое можно достигнуть благодаря использованию соответствующего передового опыта зарубежных стран, накопленного за последние два столетия. Постиндустриальный транзит, который не дает однозначно определить современное общество, как и опыт передовых стран, показывают, что интеллект, как и стремительно распространяющиеся знания и информация, становятся реальными инструментами для достижения государствами своих целей. Более того, еще в середине-второй половине XX столетия центр (меж)государственных противоречий сместился из сферы экономики в сторону стабильно функционирующих институциональных систем.

Выбор для изучения именно властных структур оправдан как повышенными ожиданиями населения, так и их ответственностью за прогресс государства. Эволюционное развитие общества будет возможным тогда и только тогда, когда политико-правовые институты сформируют конкурентоспособную институциональную среду, которая бы обеспечивала развертывание бесперебойного функционирования и других структурных элементов социума, главным образом в экономической сфере. В самом деле, несмотря на влияние глобализации, демократии, информатизации и общей темпоральности мира, гражданское общество еще не стало повсеместной реальной силой социальных изменений, а эгоистические интересы такого актора, как транснациональные корпорации, далеко не всегда совпадают с ожиданиями и потребностями большинства граждан, проживающих по всему миру.

Статья имеет прикладной потенциал не только для стран выбранного макрорегиона, но и главным образом для российского государства, поскольку позволяет объяснить не только идейное содержание абсолютно любой власти, воплощаемой в той или иной совокупности институтов и, по словам В. В. Ильина, представляющую собой монополию «на правовую и силовую инициативу» [5], а определить направления модернизационного поиска и построить собственные институциональные модели эволюционного развития России. Принимая во внимание тот факт, что институциональная динамика исторически зависима, вскрытие специфики идейных оснований и определение их конгруэнтности контекстуальным реалиям, осуществляемого в корпусе заданных нами исследований, позволит реализовать прикладной потенциал философии через обновление институциональных порядков [6].

Действительно, изучение зарубежного опыта политико-правового устройства открывает перед властями и интеллектуалами новые горизонты, позволяющие им посредством последующих обсуждений полученных результатов глубже понять специфику собственной институциональной среды (в сравнении с другими системами) и увидеть расхождения между идеальным замыслом и практическими эффектами функционирования институтов. Наконец, посредством развертывания философского дискурса можно отчетливо понять, какова логика поведения социальных идей в тех или иных реалиях, а также как реализуется их

содержание при сочетании конкретных параметров, образующих уникальный контекст того или иного общества.

Институциональный опыт США оказал значительное влияние на их лидирующие позиции в современном раскладе мировых сил. Значимость сравнительного изучения опыта институционального строительства во многом способна уточнить отечественный потенциал реализации политико-правовых практик. По мнению автора, сосредоточение именно на демократических идеях способствует минимизации институциональных разрывов в условиях перманентно меняющегося мира, но постулирующего данные ценности в качестве основных. В свою очередь изучение социалистических интеллектуальных конструкторов наглядно демонстрирует, насколько губительной может оказаться контекстуальная не-адаптированность инновационных по своему содержанию идей.

Институциональное строительство в США не предполагало сколь-либо малой возможности возвращения к примитивным и архаичным уровням развития. Политико-правовые установления фундировались либеральными идеями, возносившими индивидуальные ценности и адаптированными под новые реалии американскими просветителями, что обеспечивало некоторый баланс между формальными и неформальными практиками взаимодействия и, как следствие, их успешное воплощение в институционализации различных форм контактирования при отсутствии какой-либо реакции со стороны приверженцев консервативных идей [8].

Американская политико-правовая структура уникальным образом синтезировала идеи выдающихся социальных теоретиков Нового Времени. Анализ ее функционирования позволяет увидеть такие особенности, как, к примеру, замена администрацией президента такого широко распространенного в современном мире коллегиального органа исполнительной власти, которым выступает правительство. Вместо министерств в американской властной институциональной архитектонике существуют федеральные и независимые агентства, которые, согласно воплощению американского конституционализма, выступают образующим элементом исполнительной власти. В свою очередь федеральный уровень законодательной власти реализован посредством учреждения двухпалатного Конгресса, выстроенного на партийной основе. Наконец, американская система судебной власти тоже выступает в качестве самостоятельной относительно двух других ветвей, а суд имеет право на проведение особого вида надзора – конституционного, выполняемого для мониторинга соответствия правовых актов верховному закону США. Наконец, сам президент не обладает полномочиями, связанными с возможностью изменять структуру собственного Кабинета.

Стабильность институциональной среды молодого американского государства также обеспечивали отсутствие внешнего врага и вера в возможности буквальной реализации свобод в зависимости от мнения, выражаемого большинством населения. На практике это приводило к тому, что они не упускали возможностей поступать по своей воле и усмотрению до тех пор, пока их действия не ограничивают или даже не исключают подобное поведение других лиц. Отметим, что власти США позаботились и о предпочтениях коренных народов, законодательно закрепив регулирование соответствующих отношений на конституционном уровне [13]. Логично предположить, что функционирование и преобразования властных институтов проходили в четком следовании нормативно закрепленным и занявшим надлежащее место в сознании американских граждан демократическим принципам, что способствовало невиданной (в сравнении с европейскими странами) сплоченности населения и тем самым повышало легитимность государства в его глазах.

В целом из картины демократизации общественной жизни США, которой за достаточно короткий период удалось достичь значительного развития, выпадал вполне естественный анахронизм – институт рабства, который, к удивлению, находил поддержку или хотя бы не встречал осуждения со стороны аристократии нового типа и даже американских просветителей: «Даже такой именитый защитник свободы, как Томас Джефферсон, был тесно связан с плантаторскими кругами, поэтому он довольно сдержанно, можно даже сказать, консервативно, подходил к вопросу о разрешении негритянской проблемы, отвергая революционное освобождение рабов и настаивая на постепенном решении этой проблемы... рабство являлось главной производительной силой Юга, обеспечивая его богатство, поэтому, южные плантаторы цепко держались за старые порядки» [7]. Не претендуя на ремесло историков и других исследователей, занимающихся в т.ч. анализом такого события, как Гражданская война в США XIX в., отметим лишь, что сохранение свободных институтов было совершено путем разгрома мятежников-рабовладельцев, что в итоге привело к высоким темпам экономического развития и учреждения гибкой социальной структуры.

Тем не менее «инженерный» подход к ликвидации института рабства в целом отражает прагматизм властных акторов, свидетельствующий о желании максимально рационализированного использования наличествующих ресурсов в ситуативном контексте. Усиление прагматизма оправдано в ситуациях со стремительно изменяющимися требованиями общества и желанием добиться высоких результатов в той или иной сфере, т.е. провести корректировки социальной теории и практики. Становится понятно, почему был выбран общий прагматически-ориентированный характер функционирования американских политико-правовых институтов в XIX в., идеологически детерминированный либерализмом, отстаивавшим «идею такого общественного устройства, при котором регулирование социально-экономических отношений осуществлялось бы самопроизвольно, через „безличный“ механизм „свободного рынка“, позволяющий каждому индивиду, независимому производителю товаров, действовать, руководствуясь собственными интересами» [11].

Безусловно, тема интересов США представляется достаточно острой и многомерной, однако нас интересует идеология (институционального) экспансионизма, различные истоки которой («теории „исключительности“, „явного предначертания“, „предопределения судьбы“... идеи „богоизбранности“, особой миссии американцев в насаждении своей политической системы во всем мире» [14]) синтезируются как раз в XIX столетии. Однако еще до становления социал-дарвинизма и учреждения мэхэновской доктрины «морской силы» и обоснования курса, провозглашающего миссию США по предопределению судеб стран и народов, проживающих в Западном полушарии, властные акторы нового государства были заняты поиском геополитической самоидентификации.

Примечательно, но будучи рожденными в ходе войны за независимость, Соединенные Штаты Америки, знакомые с революционным опытом Франции, первоначально придерживавшиеся принципа невмешательства в соответствующие проблемы других стран, сосредоточились на собственном государственном строительстве. Однако американские власти встали перед выбором формирования собственного геополитического курса, когда революционные события начали разворачиваться в Латинской Америке, приведшие к распаду испанских колоний с последующим провозглашением независимости на этих территориях, что закономерно потребовало обозначения своей позиции, да еще и в условиях собственного бурного экономического роста.

Однако отреагировав на освобождение бывших испанских колоний теоретическим обоснованием собственного лидерства в западном полушарии и обещанием «братской поддержки» южным соседям, США предстали для независимых латиноамериканских государств одновременно в двух ипостасях: как ориентир успешного строительства государственных институтов и как активная идеологическая сила, которая явилась самовоплощением здравого смысла. Америке удалось сформировать для бывших испанских колоний такое «объяснительное влияние», связанное с желанием сформировать общие для Нового Света, т.н. «панамериканистские» законы и интересы, в соответствии с которыми «ценности и очевидности организуются в систему, обладающую своей логикой. Это позволяет ей проектировать на социальный опыт свою „объяснительную сетку“, свою систему „контрольных“ ценностей, стремящихся к господству над мировоззрением индивидов» [1].

Предопределив доктринальное закрепление дистанцирования Нового Света от «европеизации» и «монархизации», США задались закономерным вопросом относительно возможности воплощения передовых социальных идей в «универсальные» республиканские институты и демократические принципы на почве обретших независимость латиноамериканских государств, что отвечало бы их прагматическим интересам [14]. Власти США усматривали желаемый будущий образ суверенной Южной Америки «в цивилизационном сообществе, в котором динамично развивавшаяся экономика сочеталась бы с утверждением гражданского общества и институтов демократии. На это были направлены либеральные, по своей сути, меры по экспроприации земель церкви и индейских общин, освобождению торговли и производства от всякого рода ограничений, отмене рабства, провозглашению республиканских конституций. Все эти явления сопровождалась острейшей борьбой... в ходе которой формировалась новая идеология латиноамериканских стран» [9].

Однако полноценному воплощению интеллектуальных конструктов на данных территориях препятствовали не только свойственные местному населению необразованность и невежественность, но и общая неготовность латиноамериканских обществ к институциональным модернизационным преобразованиям ввиду банальной идейной неопределенности и отсутствия традиций самоуправления. Ориентирами для лидеров молодых латиноамериканских государств, стремящихся построить гражданское общество с демократическими институтами, являлись разнообразные синтезы либерализма с консервативными идеями бывших колонизаторов и свойственными местному населению традиционалистскими представлениями. На практике такая идейная эклектика, хоть и сосредоточившаяся вокруг идеалов свободы, равенства, братства, светского государства и образования, стремлений построить прогрессивные демократические государства, но де-факто без должного анализа контекстуальных реалий и упущения интеллектуалами из вида важных для эволюционного развития феноменов (нормы, ценности, ожидания), способствовала неустойчивости политико-правовых институтов, строящихся в Латинской Америке. Весьма меткое описание таких хаотических действий властей можно увидеть посредством анализа реализуемых на южноамериканском континенте властных практик. Даже не вдаваясь в детальную историческую «сборку» суверенных латиноамериканских государств, самоочевидно, что их роялистская деятельность на месте предыдущих разрушенных институциональных систем имела мало общего с теми представлениями о свободе, которые получили свое распространение в США.

Идеи латиноамериканских интеллектуалов, знакомых с трудами просветителей Европы и США, явились синтезом монархических, аристократических и демократических концепций

государственного устройства. В частности, С. Боливар считал, что политико-правовые институты смешанной формы одновременно должны способствовать удовлетворению интересов идей и обеспечения «монархической» стабильности и вместе с этим соединять в себе возможности проявления силы и формирования соответствующего образа «каудильо» (вследствие чего латиноамериканские президенты наделялись огромным объемом властных полномочий). Обобщая передовой революционный опыт под реалии Южной Америки, мыслители этого региона, солидаризуясь с позицией США, отмечают необходимость упразднения монархии и соответствующих привилегий. Таким образом, в этой американо-европейской специфике транслируемых идей для осознания населением «свободы от колониализма» логичным образом приобретает значимость республиканский режим и построение такого варианта политико-правовой институциональной архитектуры, при котором бы гарантировалась и обеспечивалась ответственность правительства перед народом, для чего требовалось учредить общеобязательность юридических законов.

Латиноамериканские государства заимствуют политико-правовые институты из федерализма США, разумеется, не без привнесения собственного видения относительно практик их функционирования. Однако быстрая смена событий не позволила латиноамериканским государствам построить желаемые властные институты, которые бы однозначно поспособствовали их эволюционному развитию [2]. В этих реалиях наиболее лучшей организацией политико-правовой сферы становилась та, которая просто давала бы некоторые ответы в данных конкретных условиях. Действительно, стремительно меняющие друг друга условия не дают возможности не просто соединить и адаптировать идеи институтов, но и, по большому счету, полностью понять их содержание под национальные реалии. Одним из примеров может стать Венесуэла, где принятая Конституция, хоть и устанавливала республиканский строй и провозглашала основные права и свободы человека, но на деле оказалась декларативной, поскольку не преследовала демократических преобразований.

В умножение неопределенности и неустойчивости политико-правового институционального развития суверенных латиноамериканских государств середины-второй половины XIX в., и без того связанного с постоянными колебаниями и изменениями социальных реалий и балансов властных сил, способствует имплементация социалистических идей. К слову, сегодня широко распространено мнение относительно того, что идеи социальной справедливости и коллективной солидарности имманентно обнаруживаются гораздо раньше рассматриваемого периода времени, уходя своими корнями в общинные традиции первых индейских цивилизаций. Таким образом, данные интеллектуальные конструкты, пришедшие теперь из Европы, можно полагать «априори конгруэнтными» массовому сознанию латиноамериканских стран.

Центром разработки первых социалистических теорий в очередной раз становится Франция, где уже изначально наблюдается широкая палитра разнообразия их окраски, учитывающая как диктаторские и анархистские траектории движения государства, так и религиозно-мистические вкупе с ультрареволюционными идеями институционального строительства. В самом общем виде генезис социалистических идей и их последующее оформление в идеологию можно рассмотреть в качестве ответа интеллектуалов на вызовы, порожденные глобальными переменами в социально-экономической сфере, которые привели к появлению новых антагонистических отношений и тяжелому положению рабочего класса.

Применительно к теме статьи основоположники социализма (Сен-Симон, Фурье и Оуэн) отмечали необходимость возведения новых институтов развития вместо основательно

разрушенного французской революцией общественного порядка, функционирование которого вдобавок усугублялось декларативным характером либерализма. По признанию этих теоретиков, идеям европейского Просвещения не удалось ознаменовать переход к научной организации государственного управления. В частности, его основоположник Фурье фиксирует «преобладание ложных начал, которые, прибегая к использованию маски человеколюбия, отрицают любые гарантии бедных», что закономерно может быть перенесено и на институт естественных прав человека [15]. Констатировав кризисный характер сознания интеллектуалов и разорвав связи между гарантиями справедливости и буржуазным типом государства, первые социалисты считают, что эволюционное развитие социума возможно только за счет создания «новой науки об обществе», непосредственно исследующей его исторические особенности.

В соответствии с разрабатываемыми Сен-Симоном положениями новой социальной науки, общества в реалиях индивидуально определенного характера социальной динамики являются едиными в том, что в своем развитии они проходят через сопутствующие этим стадиям формы собственности, задающие императивы экономической и духовной жизни [12].

Предложив научное обоснование социалистических и утопических идей, немецкие мыслители К. Маркс и Ф. Энгельс, по сути, кристаллизовали базисные и общеизвестные принципы идеологии социализма в ее классическом варианте: власть трудящихся, уничтожение эксплуатации человека человеком, реализация принципа «от каждого – по способности, каждому – по труду», гарантия прав трудящихся, обеспечение условия воцарения подлинной демократии и т.д. При этом социализм также апеллировал к идеологеме счастья, обязательно достигаемого в этом желаемом будущем государственном устройстве ввиду прекращения непрерывной борьбы с окружающими, природа которой лежит в неравных возможностях людей, когда государство защищает богатых и силой воздействует на бедных.

Итак, дискуссии, сконцентрированные вокруг огромного перечня насущных социальных проблем, и поиски путей их решения, в ходе которых обосновывалась необходимость переустройства государства в соответствии с принципами равенства, привели к весьма неожиданным последствиям. Если раньше рабочий класс был безразличен и невосприимчив к участию во властных практиках, то отныне они стали считать политику реальным инструментом для реализации своих интересов и достижения собственных целей, вследствие чего они нацелились на участие в процессах обсуждения и принятия государственных решений на постоянной основе [12, 15]. Пролетариат осознает собственные возможности, реализация которых благодаря широкому вовлечению и участию в процессах модернизации способна привести к установлению новых институтов справедливой организации и реализации власти.

За создание в странах Латинской Америки «социальной цивилизации», приверженной идеалам справедливости и свободной от проявлений эксплуататорской жестокости, выступали видные латиноамериканские интеллектуалы и политические деятели. Будучи следствием длительного турбулентного существования, южноамериканские варианты первоначально выбранной североамериканской институциональной модели способствуют появлению сильной президентской власти при слабом уровне парламентаризма и в итоге приводят к последующему появлению в этом (макро)регионе суперпрезидентских республик.

Таким образом, социальные идеи распространяются ровно настолько, насколько они могут быть воплощены и повлиять на государство и его институты. Примерами здесь могут

послужить рецепции идей и возведение республиканских институтов странах Латинской Америки. В то же время перенимая любой передовой опыт, следует помнить, что идеи дают институтам сугубо индивидуальные траектории реализации, прежде всего, за счет разных социальных условий и отсутствия между ними жесткого единства. Так, идеология либерализма продемонстрировала на деле, что она не представляет единого интеллектуального конструкта, именно поэтому даже в двух соседствующих и духовно близких друг другу государствах никогда нельзя встретить хотя бы две одинаковые политико-правовые институциональные формы, фундированные одними и теми же идеями.

В каждом обществе, даже несмотря на их формально закрепленную однотипность организации власти, идеи по-своему детерминируют становление и трансформации политико-правовых институтов, в чем можно убедиться при анализе выполняемых ими функций. Национальная институциональная среда подвергается трансформациям в определенный период, что делает невозможными любые инварианты и попытки универсализации учреждения единственной формы правления, правда, с характерными для нее эмпирическими паттернами, являющимися единственным способом интерпретации политико-правового институционального воплощения идей [4].

Анализ зарубежного опыта институциональных преобразований позволил выявить основные принципы, используемые для реализации реформ в политико-правовой сфере. В настоящей статье показано, что даже исходно здравые социальные идейные продукты, в той или иной мере осваиваемые интеллектуалами и властями, будут вести себя совершенно по-разному в реальном опыте западных обществ. Следовательно, нет и не может быть идеального рецепта какой-либо политико-правовой структуры, потому что недостаточно только лишь создать его, но необходимо осуществлять соответствующие преобразования, разумеется, адаптируя в систему связей с другими установлениями. Единственная однозначная закономерность рассмотренных революций – это движение от феодализма к капитализму и построение новых институтов.

Адекватное прогнозирование развития современных государств стимулирует рассмотрение процессов идейной детерминации становления, функционирования и трансформации европейских политико-правовых институтов в других (макро)регионах на интересующих исследователей исторических этапах. Проведение исторических параллелей между политико-правовыми институтами государств, только образовавшихся в XVIII–XIX вв., и современной Россией свидетельствует о неодинаковой роли интеллектуального пространства и реализации идей. Сегодня отсутствие в России реальных практиков и экспертов, которые бы (по)могли настроить функционирование властных структур и, по большому счету, осуществить выход на эволюционную магистраль развития, во многом объясняет отставание от североамериканского общества, где можно наблюдать эффективно работающие институты и диалог интеллектуалов и истеблишмента. Кроме этого, игнорирование собственных социокультурных реалий и интеллектуальных оснований эволюции не позволяет в полной мере воспринять и адаптировать передовое идейное наследие интеллектуалов запада под актуальный контекст российского общества. Последнее усиливает наложение советского и имперского опыта, что роднит Россию с латиноамериканскими странами в аспекте обращения к неэффективной идейной эклектике и неустойчивости рассматриваемых политико-правовых институтов и, как следствие, в отставании от целого ряда передовых стран, которые при помощи интеллектуалов смогли пройти через турбулентное обновление порядка.

Североамериканский опыт свидетельствует о том, что политико-правовое строительство, осуществляемое посредством достаточно передовых идей, в любом случае требует учета национальной специфики их первоначального содержания. Тогда как в России при попытках возведения демократических институтов видна прямо противоположная картина, обуславливающая общую дисфункциональность не только политико-правовой среды, но и ее распространение на все государство в целом. Конечно, выбор пути решения российской институциональной проблемы имеет взаимосвязи с состоянием других сфер, однако интеллектуалы, продуцирующие креативные и инновационные социальные идеи и образующие между собой национальное пространство в сетевой форме организации взаимодействий, выступают главными инженерами политико-правовых преобразований.

Несомненно, в российской политико-правовой действительности реализуются некоторые механизмы, импортированные из передового зарубежного опыта, но их реализация на практике (вполне вероятно, что из-за разницы первоначальных настроек их запуска и, конечно же, целей, которые преследуют отечественные властные акторы) вовсе не приводит к желаемым результатам, которые бы отражали эволюционный вариант развития России. Переформулирование властными акторами принципов целеполагания и выполняемых институтами функций, как и последующее проведение сравнительного анализа мирового опыта, расширит набор идейно-концептуальных основ осуществления политико-правовых преобразований для их воплощения в отечественной практике, что в определенной мере позволит минимизировать непредсказуемость общественного развития.

В целом сравнивая зарубежный и отечественный опыт, в последнем очевиден недостаток демократических идей в практике функционирования институтов, в особенности касательно открытости, подотчетности и излишней бюрократизации абсолютного большинства процедур. Ввиду этого следует учесть, что лидерство мировых держав, в частности США, уже давно не связано с их ресурсным потенциалом, но именно с ориентацией на стимулирование генезиса новых знаний, составляющих содержание идей и представляющих собой реальные технологии социальной инноватики. Полагаем, что с учетом адаптации передового политико-правового опыта под собственный контекст России действительно удастся минимизировать издержки от проводимых институциональных преобразований и максимально использовать возможности социальных идей с учетом современных мегатрендов.

Вопрос об импорте американского политико-правового опыта в отечественную практику главным образом лежит в институциональной плоскости. Переходя к предметному определению направлений адаптации опыта США, составляющих ядро современной прикладной социальной философии, необходимо уточнить, какие именно из предлагаемых ими универсалий следует переносить на российскую почву. Важно понимать, что фактически возможно импортировать только лишь формальные структуры. Несмотря на то, что еще не найден инвариант оптимального институционального устройства, который бы в одинаковой степени и одновременно благоприятствовал эволюционному развитию и процветанию всех классов, США удалось сформировать либерально-рыночную демократию, функционирование которой до сих пор является образцом и ориентиром для многих стран, включая Российскую Федерацию. К созданным американскими интеллектуалами универсалиям относятся реально гарантированные и конституционно обеспечиваемые верховенством права интересы и демократические свободы личности (особо актуально для цивилизованного разрешения конфликтов в России ввиду огромного количества проживающих на территории страны этносов), а также

сбалансированная система сдержек и противовесов, позволяющая разгрузить власть и нивелировать дублирование функций и прочие издержки.

Но в первую очередь необходимо разобраться, что именно подразумевается под «универсалиями», переносимыми на отечественную из США. Это связано с тем, что сегодня постоянное употребление категории «демократия», представляющей собой бесспорное достижение мировой социальной мысли в целом и американской политико-правовой практики в частности, привело к размытию ее содержания. Вдобавок ко всему, именно преодоление терминологических трудностей является сложным, чем это может показаться на первый взгляд, поскольку позволяет привести ясность при понимании необходимого целеполагания, механизмов и процедур, сопровождающих функционирование институтов – в целом минимизировать неопределенность последствий.

Разумеется, положительный эффект от имплантации представленных универсалий в российские реалии будет гарантирован не только при определении их смысла, но и если эти формальные институты будут уживаться с неформальными. Сегодня в политико-правовой практике большая роль отводится феноменам так называемых «внеконституционных институтов», которые могут быть формально не предусмотрены, но при этом играют весьма существенное, если не решающее значение при организации и осуществлении властных практик. Конечно, нельзя перенести и тем более создать в России доподлинный американский контекст, к тому же фундированный особой миссией каждого индивида и страны в целом. Однако императивом выступает идея создания и поддержания реального (а не фасадного) и эффективно функционирующего гражданского общества, а не декларативной включенности различных представителей и номинальных ассоциаций.

Не претендуя на раскрытие всего арсенала возможных методов и технологий переноса американского опыта политико-правового строительства, выделим следующие узловые моменты. Прежде всего, практика институционального строительства США ценна не только с позиции широкого спектра эффективных институтов, но и с точки зрения комплексного подхода, сочетающего и учитывающего нормативно-правовые, организационно-управленческие, структурно-функциональные и информационные критерии. Важно учитывать, что демократические институты должны органично имплементироваться за счет одобрения россиян, а значит, применить такие механизмы внедрения, чтобы не привели к дисфункциональности текущих структур.

При создании институтов заслуживает внимания ориентация США на использование и сочетание научного, экспертного и передового практического опыта. Российский вариант такого решения также выглядит возможным главным образом благодаря организации рабочих групп из представителей власти, научного сообщества и общественности, которые бы посредством мозгового штурма выявили институциональные разрывы и предложили соответствующие политико-правовые преобразования. Поэтому для российских реалий необходим критический отбор среди эффективных механизмов институционального воздействия на общественную жизнь, которые бы после некоторого «опытного» периода времени функционирования на российской почве были бы адаптированы для последующего применения в отечественной среде.

Как правило, демократические законы направлены на обеспечение блага большинства населения страны. Для реализации представленных выше разграничений необходимо четко обозначить компетенции, относящиеся к «вертикальным» и «горизонтальным» отношениям

между институтами и обществом, оставив на федеральном уровне лишь те, что не могут быть переданы субъектам России в собственное независимое от центра ведение. В этом также отчетливо просматриваются возможности будущего подъема целого ряда российских регионов, что, к примеру, позволит гражданам иметь выборного, а не назначаемого президентом губернатора.

Да, демократия предполагает открытость и подконтрольность обществу, особенно в нынешнее высокотехнологичное время, открывающее доступ к большим массивам данных для всех заинтересованных лиц и приводящее к созданию неподконтрольных государству СМИ. После распада СССР в 1990-е гг. население столкнулось с огромным перечнем невыполненных властями обещаний, что увело российскую демократию от идеальной в сторону реальной декларативной. Закулисные игры власти и возросшие аппетиты олигархии практически полностью размыли средний класс, усугубляя политическую апатию населения и умножая коррупцию, свидетельствующую о некомпетентности ряда властных деятелей, нарушающих один из главных принципов демократии: руководство своими интересами в ущерб процветания государства. При демократическом режиме особо важно, чтобы победившая на выборах группа политиков использовала власть для выработки правил, которые бы находили поддержку среди большинства, а не использовала «право победителя» для прямых изменений правовых актов, увеличивающих их время владения привилегиями, создавая определенные противоречия. Элита вообще представляется наиболее опасной группой для демократических институтов: они не просто подменяют содержание политико-правовых структур (дискриминационный подход при попадании под юридическую ответственность), но и вовсе подрывают основы государственного управления.

Сегодня Россия стоит на институциональной развилке, колеблясь в выборе между откатом к автократии или построением демократии, в реалиях которой мнение различных акторов навязывается без государственного принуждения. Опыт США свидетельствует также, что характерным признаком рассматриваемого варианта учреждения будущей институциональной среды является возможность думать и выражать свои мысли иначе, нежели думает наличный политический истеблишмент. Таким образом, оппозиция – это нормальная параллельная структура, фундирующая множественные сценарии развития плюралистического общества, соперник в борьбе за власть, но не враг. В целом наличие функционирующих параллельных структур напрямую свидетельствует о состоянии гражданского общества как неотъемлемого «соревновательного» элемента демократических систем. Если любая из альтернативных сил не может победить на каких-либо выборах, то это что угодно, но не демократия.

Проблема отечественной институциональной динамики предусматривает ревизию принципов «на американский манер». Так, чтобы не выродиться уже установленным демократическим структурам, важна открытость власти для граждан, которая позволяет включить необходимые силы в процессы государственного управления, тогда как недостаточное информирование приводит к уже упомянутому отчуждению от политико-правовых институтов и безразличию к принимаемым на федеральном уровне решениям. Наоборот, диалог с общественностью при принятии законопроектов и открытость для критики, касающейся, к примеру, «недостаточной демократичности и неписанности тех или иных институтов», способны взрастить активность населения и сформировать активное гражданское общество как vitalной части будущей российской демократии.

Действительно, сегодня демократизация – взаимный процесс, который попросту не может идти только лишь сверху. В плане институциональной эффективности ключевой здесь становится проблема социальной направленности формальных демократических институтов. США удалось установить такие демократические властные структуры, которые проводили социальную политику в интересах широких слоев населения, в связи с чем институты не только приобретали легитимность, но и устойчивость, успешно реализуя свой эволюционный потенциал.

Самоочевидно, что идеи будущей институциональной архитектоники создаются при помощи социальной сферы, капитал которой заложен в творческих возможностях людей, их генерирующих. Они, как никто другой, понимают механизм адаптации политико-правовых инноваций. В процессе хабиутализации демократических структур ведущая роль принадлежит межличностным взаимодействиям и тому, как люди поняли ту или иную институциональную инновацию в соответствии с привычными для них нормами поведения в рамках текущих правил игры. Развитие интеллектуального пространства и его креативного потенциала предопределяет значимость государственных инвестиций в социальный капитал и образуемые интеллектуалами сетевые структуры – «лаборатории социальных идей». Такой подход на протяжении долгих лет является коррелятом экономического роста не только американского общества, но и ряда других стран валлерстайновского «ядра». Рост благосостояния и образования населения ведет к более осознанному пониманию своих прав. Лучшему видению проблемы способствует привлечение таких акторов, которые имеют опыт сотрудничества с зарубежными странами и, прежде всего, напрямую с Соединенными Штатами, что позволит эффективней перенять их опыт построения федерализма. При подобной организации государственного устройства удастся осуществить желаемую мирную децентрализацию власти и на деле разгрузить политико-правовые структуры, рассредоточив полномочия на несколько уровней, создать действительно полицентричное и полиархическое общество. Следовательно, многосторонний характер деятельности политико-правовых институтов должен учитывать адекватность предлагаемых ответов на демографические, экологические и экономические вызовы в интересах представителей различных групп населения.

Тем не менее России необходимо скорректировать функционирующие сегодня и не являющимися на практике демократическими институтами с учетом влияния государства на жизнь элит, выйти на эволюционную магистраль развития, разумеется, следует трансформировать в сторону демократических универсалий. Целесообразней создать институты переходного общества, поскольку молниеносный демократический транзит, как уже показала российская практика, снижает эффективность формальных структур и главным образом регулятивный потенциал правовых норм, что свидетельствует о предпочтении неправовых мер при решении конфликтов. Вне всякого сомнения, это приводит к дисфункциональности институтов и уже вскрытой апатии населения. России необходимо подготовить институциональную среду, являющуюся переходной для демократии, поскольку эффективность универсалий напрямую зависит от тех условий, в которые они будут изначально погружены. Такой контекст может быть самым разнообразным, но он должен обладать единой логикой своего развития, чтобы не допустить скорейшего вырождения демократических институтов в квазидемократические структуры. Поэтому сейчас, при изменении наличных политико-правовых институтов, логичнее всего обратиться к методам социальной инженерии и создать прочную основу для продуманного импорта демократических структур.

Литература

1. Белявский Ю. А. Идеологические разломы в массовом политическом сознании российского общества // *Социология власти*. **2010**. №2. С. 102–108.
2. Василенко Ю. В. Андрес Боррего – консервативный идеолог политического центра // *Социум и власть*. **2013**. №4(42). С. 69–74.
3. Гаджиев Х. А. Роль политических институтов в обеспечении политической стабильности // *Теории и проблемы политических исследований*. **2016**. №3. С. 123–135.
4. Егоров В. Г., Маммадов М. М. Демократия: от социальной идеи к общественной практике // *ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура*. **2016**. №1(54). С. 8–21.
5. Ильин В. В. Философия и власть. Часть I. Архитектура власти // *Российский гуманитарный журнал*. **2020**. Т. 9. №4. С. 211–223.
6. Ильин В. В. Философское сегодня. Часть II. Lux Venigna // *Российский гуманитарный журнал*. **2020**. Т. 9. №3. С. 151–164.
7. Кардаильская Д. А. Теория и практика народовластия в Соединенных Штатах Америки в конце XVIII – середине XIX века // *Причерноморье. История, политика, культура*. **2011**. №7. С. 61–67.
8. Крымов А. В. Европейский либерализм и парламентаризм XIX века глазами русского консерватора // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. **2012**. №4–2(18). С. 108–111.
9. Ларин Е. А. Либерализм и консерватизм в латиноамериканской истории // *Латиноамериканский исторический альманах*. **2015**. №15. С. 222–224.
10. Мирошников О. А. Пространственно-временные рамки революции // *Пространство и Время*. **2017**. №2–4(28–30). С. 21–47.
11. Попков В. В. Идеиная эволюция американского либерализма. URL: <http://www.pravoznavec.com.ua/period/chapter/14/124/4965>.
12. Сен-Симон А. *Избранные сочинения*. М.: Изд-во Академии наук СССР, **1948**. Т. 1. 468 с.
13. Смирнов О. А. Эволюция института прав и предпочтений коренных народов США // *Вопросы российского и международного права*. **2018**. Т. 8. №2В. С. 302–307.
14. Ткачева Т. В. Внешнеполитические установки США: новые (старые) подходы // *Вестник угроведения*. **2012**. №4(11). С. 135–140.
15. Fourier Ch. *La Fausse Industrie, Morcelée, Répugnante, Mensongère, Et L'antidote, L'industrie Naturelle, Combinée, Attrayante, Véridique, Donnant Quadruple Produit*. Moscow: PonD, **2011**. 390 p.

Поступила в редакцию 10.11.2020 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2020.6.1

Ideological determination of political and legal transformations in the countries of the New World of the 19th century

© N. N. Ravochkin

*Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev
28 Vesennyaya Street, 650000 Kemerovo, Kemerovo region, Russia.*

*Kuzbass State Agricultural Academy
5 Markovtsev Street, 650056 Kemerovo, Kemerovo region, Russia.*

Email: nickravochkin@mail.ru

In the modern world, the evolutionary version of social development and its individual spheres is inextricably linked with the pragmatics of the functioning of political and legal institutions, which largely determine the specifics of the “rules of the game” adopted in a particular state. This article is devoted to the analysis of the ideological determination of the political and legal development of the states of the New World, which, in a sense, relatively recently gained independence, became independent participants in public relations. However, despite some commonality of conditions, the implementation of advanced social ideas in the institutions under consideration has led to certain contrasts, concerning, first of all, their actual development. In this article, the author not only considers political and legal institutions as forms of the ideal embodiment of intellectual constructs, but also draws parallels with the problem that is urgent for the Russian state – revealing the reasons for the country’s stagnation.

Keywords: political and legal institutions, idea, intellectuals, ideological determination of institutional transformations, transformation.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Ravochkin N. N. Ideological determination of political and legal transformations in the countries of the New World of the 19th century // *Liberal Arts in Russia*. 2020. Vol. 9. No. 6. Pp. 377–390.

References

1. Belyavskii Yu. A. *Sotsiologiya vlasti*. 2010. No. 2. Pp. 102–108.
2. Vasilenko Yu. V. *Sotsium i vlast'*. 2013. No. 4(42). Pp. 69–74.
3. Gadzhiev Kh. A. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*. 2016. No. 3. Pp. 123–135.
4. Egorov V. G., Mammadov M. M. *POISK: Politika. Obshchestvovedenie. Iskusstvo. Sotsiologiya. Kul'tura*. 2016. No. 1(54). Pp. 8–21.
5. Il'in V. V. *Liberal Arts in Russia*. 2020. Vol. 9. No. 4. Pp. 211–223.
6. Il'in V. V. *Liberal Arts in Russia*. 2020. Vol. 9. No. 3. Pp. 151–164.
7. Kardail'skaya D. A. *Prichernomor'e. Istoriya, politika, kul'tura*. 2011. No. 7. Pp. 61–67.
8. Krymov A. V. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2012. No. 4–2(18). Pp. 108–111.
9. Larin E. A. *Latinoamerikanskii istoricheskii al'manakh*. 2015. No. 15. Pp. 222–224.
10. Miroshnikov O. A. *Prostranstvo i Vremya*. 2017. No. 2–4(28–30). Pp. 21–47.
11. Popkov V. V. *Ideinaya evolyutsiya amerikanskogo liberalizma*. URL: <http://www.pravoznavec.com.ua/period/capter/14/124/4965>.
12. Saint-Simon H. *Izbrannye sochineniya [Selected works]*. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1948. Vol. 1.
13. Smirnov O. A. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava*. 2018. Vol. 8. No. 2B. Pp. 302–307.
14. Tkacheva T. V. *Vestnik ugrovedeniya*. 2012. No. 4(11). Pp. 135–140.
15. Fourier Ch. *La Fausse Industrie, Morcelée, Répugnante, Mensongère, Et L'antidote, L'industrie Naturelle, Combinée, Attrayante, Véridique, Donnant Quadruple Produit*. Moscow: PonD, 2011.

Received 10.11.2020.